

Проза авторов от 35 лет

Раиса Морозова

Время пришло

Валентина Алексеевна, пенсионерка со стажем, но довольно-таки моложавая на вид женщина, вышла из поликлиники и направилась в сторону своего дома. Мценск – городок небольшой, и нет необходимости ожидать маршрутку, можно пройтись пешком. Тем более, дорога шла под горку, и прогулка летним вечером была приятным и полезным удовольствием. Небольшие дома утопали в вишнёвых садах. Крупные, спелые, тёмно-бордовые ягоды так и просились в руки.

Не удержавшись от соблазна, Валентина Алексеевна остановилась в тени молодых вишен, у старого деревянного крылечка. Дверь внезапно распахнулась, и звонкий голос её бывшей ученицы нарушил уличную тишину:

– Валентина Алексеевна, добрый вечер, заходите в гости, я как раз варенье вишнёвое варю.

– Спасибо, Людочка, как-нибудь в другой раз, пусть устоится, – также радушно отвечала Валентина Алексеевна.

– Тогда угощайтесь свежими, – настаивала Людмила.

Сочные, сладкие вишни просто таяли во рту. Блаженствуя, Валентина Алексеевна свернула по тропинке в старый городской парк. В воздухе струился тонкий, нежный, медовый аромат, сопровождаемый пчелиным оркестром.

– Вот и зацвела желтоглазая красавица, – подумала Валентина Алексеевна, окунаясь в благодатную прохладу, исходящую от огромных раскидистых лип. Чуть прикрыв глаза, она с наслаждением вдыхала целебный воздух.

Как всё ей близко, мило и дорого в небольшом старинном городе, раскинувшемся на берегу говорливой реки Зуши! Здесь все знают друг друга в лицо, приветливо здороваются, запросто ходят в гости.

На выходе из парка взгляд Валентины Алексеевны всегда устремляется в правую сторону, а сердце начинает громко стучать. Там, за невысоким забором до боли знакомое старое здание детского дома, где она проработала почти тридцать лет. Скольким ребятишкам он стал настоящим отчим домом! Многие из них, повзрослевшие, возмужавшие, возвращались потом сюда не раз, рассказывали нянечкам и воспитателям о своей жизни. Радостно было осознавать, что не потерялись их ребятки в житейских водоворотах! К глубокому сожалению, жизнь в некоторых семьях давала сбои, и новых воспитанников приводили в их тёплый дом. Разрывалось сердце, глядя на оторванных от родного, но погасшего очага, детей, слёзы лились рекой, адаптировались они с огромным трудом. Наверное, от тяжёлых рабочих будней и стало болеть у неё сердце. И так вышло, что, отдавая себя чужим детям, не свила она своего, собственного гнезда. Чувствуя ещё более сильное сердцебиение от нахлынувших воспоминаний, Валентина Алексеевна повернула в другую сторону. Там её спасительная скамеечка, у памятника великому земляку И. С. Тургеневу.

С тех пор, как ушла она на заслуженный отдых, часто приходит сюда. Лёгкий шёпот листьев подрастающей дубовой аллеи навеивает дорогие воспоминания из далёкого, светлого детства, когда мама рассказывала ей о жизни писателя И. С. Тургенева, а длинными зимними вечерами, музицируя вдвоём, звучал романс «Утро туманное, утро седое...». Впечатлительной девочке очень хотелось быть похожей на доброго, умного, удивительно талантливого Человека. Помогать людям, учиться познавать мир, прививать любовь к русскому, родному, народному.

Скорее всего, благодаря маминым рассказам и частым семейным поездкам в музей-усадьбу Спасское-Лутовиново, Валентина Ставцева выбрала профессию учителя. В Спасской округе до сих пор живы и бережно из поколения в поколение передаются воспоминания о благочестивом барине Иване Сергеевиче, открывшем первую школу для бедных ребятишек. Прапрадед одной из её близких знакомых был первым учеником этой школы, или, как называл её И. С. Тургенев – училища. Затем, видя способности

мальчика, Иван Сергеевич отправил его учиться дальше, в город Тулу. Имение всемирно известного писателя стало очагом культуры и просвещения на родной Мценской земле.

Солнце скатилось за Висельную гору, готовясь на ночлег в обширных лугах небольшой деревушки Нижняя Зароща. Мягкие, ласковые лучи уходящего светила коснулись лица и рук женщины, дышать стало легче. И она, вдохнув полной грудью посвежевший воздух, двинулась дальше. Послышались весёлые голоса, и шумная кампания показалась на тропинке. Двое молодых высоких мужчин в военной форме шли вместе со стройной, светловолосой женщиной, которая буквально парила над землёй, опираясь на их сильные руки.

«Наверное, сыновья приехали на побывку, – мелькнуло в голове у Валентины Алексеевны, – а маму-то как любят, просто несут на руках. Молодцы какие! В наше время это – редкость».

Чужое счастье тоже ласкает душу и Валентина Алексеевна, посторонившись и глядя широко раскрытыми глазами на молодёжь, радостно улыбалась. Вдруг она невольно остановилась, что-то едва уловимо-знакомое мелькнуло в лицах офицеров. А они, ни на кого не обращая внимания, совсем по-детски, перебивая друг друга, озорно кричали:

– Мам, мам, я Ваньку обогнал, звание у меня выше теперь.

– Мам, послушай меня, я ведь учился сначала...

– Пашенька, ведь ты старший у нас, аж на целых пять минут раньше Ванюшки родился, – ласково произнесла женщина-мама.

Вовремя дошла до любимой скамеечки Валентина Алексеевна, иначе бы рухнула на землю.

«Ваня, Паша, ямочки на подбородках... Да это же наши детдомовские ребята! Братья Ратневы. Они с рожденья появились в нашем доме, маму свою совсем не знали. И вдруг, когда им было лет по одиннадцать, она объявилась. Сколько времени прошло с тех пор, а как будто бы вчера всё было. Я ведь тогда дежурила по столовой, обед был в самом разгаре, мальчишки и девчонки с явным аппетитом уплетали комплексные обеды. Вкусно готовили

повара, продукты всегда были свежими, порядок царил во всём заведении. Директором тогда была Тамара Васильевна Сущенко, золотой человек, педагог от Бога! Побольше бы таких людей на земле! Прохаживаясь по залу, я подошла к окну и увидела невысокую, молодую, худенькую женщину. Рыжеватый Вася, ровесник Ратневых, жестикулируя, о чём-то разговаривал с ней и, резко сорвавшись с места, помчался в столовую. Женщина неуверенно двинулась за ним. Видно было, что ноги её совсем не слушались, но она упорно двигала их вперёд. Распахнувшаяся дверь заставила меня отойти от окна, но Вася, едва влетел, буквально всех ошарашил новостью: «Ратневы, подъём, к вам мамка приехала!» Все в зале оцепенели, но через какие-то доли секунды Ваня уронил стакан с недопитым компотом на стол, а Паша вскочил, но тут же опять сел. Так повторялось несколько раз. Я подошла к ребятам, не понимая, что происходит. И увидела, как Ваня крепко держит свою ногу на ноге Паши, не давая тому встать. Хотя братья были близнецами, но Ваня был более сильным, способным и хватким. Он, стиснув зубы, шептал побелевшими губами: «Паш, нельзя, не ходи, не смей, не время». Паша ёрзал, изворачивался, но никак не мог вырвать ногу и от бессилия вдруг громко заплакал и закричал: «Пусти, дай хоть в окно поглядеть, какая она, мамка наша!» Иван крепко прижал рыдающего брата к себе. Я взмахнула рукой, и все дети вышли из столовой. Обняв мальчишек, я гладила их ершистые, непокорные волосы, и постепенно худенькие плечи Паши перестали вздрагивать.

В ближайшее воскресенье, взяв с собой ребят, мы втроём целый день провели в Спасском-Лутовиново. Дети воспрянули духом и не вспоминали о случившемся.

В маленьком городе всё тайное быстро становится явным. Я узнала, что мама Ратневых мальчишек долгое время находилась на лечении, долго не могла справиться с недугом пьянства. Как могла, я оберегала их доверчивые, открытые души. Очень искренние были мальчишки и честные. В выходные дни мы часто вместе гуляли в парке, и я обязательно заводила разговор об их

маме. Её широко раскрытые глаза, глядевшие на своих детей, говорили о многом.

За годы работы в детских учреждениях я научилась хорошо разбираться в людях. Это был один из немногих случаев, когда женщина действительно оступилась. Мне хотелось подготовить ребят к предстоящей, новой встрече с мамой. Понимала, что она всё равно вернётся за сыновьями. Да и ребята жили надеждой на встречу с мамой. Но мама мальчишек больше не пришла в детский дом. После окончания средней школы Ивана забрали в Орёл шефы из военного училища связи, понравился им способный парень. Паша был направлен в профтехучилище, а потом его призвали в ряды Советской Армии. Давно это было!»

Повеяло прохладой, и Валентина Алексеевна очнулась от воспоминаний. Лицо её посветлело, налетевший озорной ветерок по-мальчишески потербил гладко причёсанные, посеребрённые временем волосы. Она с лёгкостью встала, поправила платье, и обращаясь к смотревшему на неё с высоты своего богатырского роста И. С. Тургеневу, тихо промолвила: «Значит, всё-таки семья воссоединилась. Какие умные мальчишки!» Светлое, приятное чувство окутало Валентину Алексеевну с ног до головы, каждая клеточка тела ликовала. Труды её не пропали даром. Она поклонилась просветителю земли русской и добавила: «Всему своё время! Пора и мне домой!»

Роза Сидорова

Наша Каштанка

В начале июня этого года я поехала с подружкой отдыхать по путевке в санаторий Унеча, Брянской области. Этот санаторий предназначен для ветеранов-железнодорожников и находится на прекрасном месте. Вокруг него чудный лес из вековых сосен, елей, лип. Деревья так высоки, что достигают балконов третьего этажа и даже выше, а по ним прыгают птички и не боятся людей. Представляете – просыпаешься утром: балкон открыт, а лес заглядывает в окна балкона, поют птицы на разные голоса. Воздух пьянящий,

и какое чудное настроение... А две птички (говорят, зяблики) свили гнездо в углу балкона и кормят своих птенцов, несмотря на то, что мы находимся рядом...

Глядя на птиц, мы тоже идем завтракать. Столовая большая, светлая, и несутся манящие запахи, но предварительно приходится пить фито-чай.

В этом санатории большая разновидность процедур для пенсионеров: водные, токи, озокерит, массаж... Медперсонал к отдыхающим относится с большим уважением.

И здесь ещё живёт небольшая рыжая собачка, которую звали Каштанка. Она и правда была похожа на Каштанку из рассказа А. П. Чехова: сама рыжая с белой шерсткой на груди и лапки белые, как в носочках.

Мордочка милая, лисий носик остренький, ушки свисают, а глазки всё время грустные...

Работники говорят, что её подбросили на частной машине, поближе к санаторию. Она и прижилась, но как услышит шум подъезжающей машины, настораживается – видно, всё ждет хозяев...

Так вот, наши отдыхающие шефствуют над Каштанкой: несут часть своей порции ей – закармлили бедную. Но и она уже к нам приспособилась: если не хочет есть, опустит мордочку и смотрит виновато. Но, чтобы не обидеть, возьмёт косточку и зароет в укромном месте, а сама ляжет подальше в сторонке. Ведь всё понимала... Какая же была ласковая и любила, когда её гладили.

Когда мы ходили гулять, она всегда была рядом, куда бы мы ни шли. Любила купаться, но странно – заходила по шею в воду, но не плавала. Выйдет из воды, отряхнётся и ляжет рядом.

Как-то мы пошли погулять вечером, и Каштанка увязалась за нами. Но вскоре что-то её отвлекло, и она отстала... Копаются в земле... Ну, думаем, мышь поймала. Подходим к ней. А она из лунки блин достала (ею ранее спрятанный) и с удовольствием ест.

Однажды она оценилась зимой, но старалась не показывать своё логово: боялась, чтоб не забрали щенят. Но когда они подросли, Каштанка

привела их в санаторий. И вот как-то один из щенков провалился под снег, а там оказалась глубокая старая водосточная труба.

Щенок беспомощно пытался выбраться, но не мог, и бедный всё время от страха и холода скулил и звал маму на помощь. А она металась рядом и тоже скулила, но ничем не могла помочь...

На помощь пришли работники санатория. Они разгребли снег и кое-как вытащили щенка из ямы. Пока спасали щенка, бедная собака всё время крутилась рядом. Она то и дело склонялась над ямой, а во рту держала кусочек хлеба для своего ребёнка – вот это мать...

Со временем щенят раздали в хорошие руки. А её тоже вместе с одним из щенков отдали в большой частный дом, двор которого был обнесён высоким забором, и ни одной дыры в нём. Так она сделала подкоп и сама убежала в санаторий. Что удивительно – она узнавала отдыхающих людей, а вновь приезжающих встречала как старых знакомых и никогда ни на кого не лаяла. Нам казалось, что она вообще не могла лаять...

В нашем заезде она поллюбила Юру, из Курска. Он только выйдет на крыльцо – она уже рядом, встанет напротив него и смотрит в глаза, слегка помахивая хвостом. Стоит ему с балкона крикнуть: «Каштанка!» – она ложится напротив балкона на асфальт и молча смотрит на него влюбленными глазами. Юра покуривал, и если шёл в магазин за сигаретами, то друзья всегда были рядом. Он покупал Каштанке сосиску и небольшими ломтиками давал из рук. Она аккуратно брала кусочек и медленно ела, не сводя глаз с Юры... Это надо было видеть...

И вот настала пора уезжать. Мы с Юрой уезжали вместе. Нас было пятеро, и пришлось вызывать такси. Уложив вещи в машину, втроем с Юрой отправились пешком на вокзал – он находился недалеко от нас, да и время позволяло. С нами увязалась Каштанка и всё крутилась возле Юры: видно, чувствовала расставание. Но Юра был удивительно спокоен – вообще он по натуре был очень спокойным.

Каштанка бежала рядом с Юрой, иногда вырывалась вперёд, бросив на нас беглый взгляд. Временами сбегала на обочину дороги и усиленно

вынюхивала всё, ей только ведомое, а выяснив ей дозволенное, стремительно догоняла нас.

Незаметно мы добрались до вокзала. Наши ребята дожидались нас.

Юра пошёл в «забегаловку» и, как обычно, купил Каштанке сосиску, разломил на кусочки и протянул ей, но она понюхала и отвернула свою мордочку. Видно было: не до сосиски ей. Но он настойчиво угощал ее. Тогда Каштанка с виноватой миной взяла кусочек и побежала в палисадник. Ткнулась мордочкой в траву, отбежала и попыталась разгрести там лапами землю. Но что-то ей не понравилось, и она решительно закопала лакомый кусочек в другом месте. Так она закопала всю сосиску.

Вскоре мы прошли на перрон. Каштанка крутилась возле Юры. Он с нею о чём-то разговаривал, а она всё заглядывала ему в лицо и виляла хвостом... Было очень трогательно всё это видеть.

Тут подошёл наш поезд, и мы, минуя путь, пошли к своему вагону. Он находился почти в «хвосте» состава, и мы со своими поклажами очень торопились на посадку— времени оставалось мало...

Я вспомнила о Каштанке и оглянулась. А она, бедная, легла на живот и пыталась переползти через путь... Но, едва коснувшись лапами металлического рельса, отскакивала назад и быстро осматривала людей, толпившихся у поезда, и опять пыталась перелезть через рельсы. В этот миг столько муки было в её глазах, движениях...

Я побежала к вагону... Мы сели в вагон и я, оставив свои вещи, выскочила в тамбур — поглядеть на Каштанку... Она всё ещё пыталась переползти через преграду, но панический страх перед рельсами удерживал её на месте...

Тут я не выдержала и крикнула: «Каштанка!...»

Она подскочила как на пружинах и кинулась в нашу сторону, мчась вдоль полотна... Но кондуктор закрыл двери, и поезд тронулся. А Каштанка остановилась, оцепенев от ужаса, беспомощности и одиночества.

Господи! Что творилось у меня на душе, слезы душили меня...

Я посмотрела на Юру. Он сидел на полке и смотрел в противоположную от окна сторону. Он ничего не видел, забыв про Каштанку и думая о чем-то своем...

А поезд мчался вперед и все дальше увозил нас от Унечи, от санатория в наши родимые края...

Ирина Захарова

Новенькая

В начале учебного года в наш класс пришла новенькая девочка. Ничего особенного: девчонка как девчонка. Рыжая, волосы короткие, даже дёрнуть не за что. Маленькая, худенькая, неприметная. И имя у неё было какое-то сложное – Аделаида. Мы ведь привыкли больше к Таням, Ленам, Катям и Людам, а тут Аделаида. Как же её коротко-то называть? Ада? Ида? Или, может, Дела? Но тут Лидия Афанасьевна представила её классу: «Теперь с вами будет учиться эта девочка – Лада Калашникова. Примите её в свою дружную школьную семью». Девочка села за свободную парту. Парту эту давно собирались вынести как лишнюю, и вот теперь она пригодилась. Девчонки стали перешёптываться и оглядываться на новенькую, мальчишки же делали вид, что она их совсем не интересует, а у меня в ушах зазвучало её имя – Лада! Лада!

А сейчас я открою вам свой секрет. Я очень увлекаюсь историей, особенно древней и средних веков. Читаю исторические книги и при этом вижу себя среди героев: в кольчуге, остроконечном шлеме, с мечом в руке и непременно сидящим на македонском коне Буцефале. Или представляю себя русским богатырем в образе Алёши Поповича. А девочка с её именем будто возникла из того исторического прошлого, потому что так нежно и ласково – Лада, Ладушка звучали в ту пору женские имена. Весь урок математики я украдкой разглядывал новую девчонку. Но она меня ничем не привлекала, кроме своего исторического времени.

Все уроки новенькая просидела тихонько, как мышонок, руки не поднимала, и учителя её не вызывали. А после школы Лада пошла домой одна. Правда, Катька Богданова увязалась было за ней – хотела, видно, навязаться в подруги, но новенькая молча прибавила шагу и свернула в свой переулок.

«Подумаешь, – обиженно надула губы Катька, – задавака! Не очень-то и надо...»

Так с первого дня и пошло: класс сам по себе, а новенькая в стороне от всех. Держалась она неприступно, желания с кем-нибудь дружить не выражала. И её сразу прозвали задавакой. А у меня из головы не выходило её старинное имя. Так и представляю её в расшитом длинном сарафане и с кокошником на голове.

Но вот однажды произошел случай, который всё изменил.

После уроков Лада, как всегда, уходила одна. Я смотрел ей вслед, и почему-то во мне возникла жалость к этой хрупкой одинокой фигурке. Не знаю почему, но я пошёл за ней в некотором отдалении, она меня не замечала. Мы прошли довольно много, как вдруг, будто из-под земли, выскочили самые озорные ребята из нашего класса и бросились к ней, ёрничая и улюлюкая. Их было трое, а она одна. Трое мальчишек, забияк и задир – и она, тихая маленькая девочка. Лёха сорвал у неё со спины ранец, перебросил его Серёжке, тот – Игорю, и дальше по кругу, высоко подбрасывая вверх. Лада сначала пыталась отнять свой портфель, но скоро поняла, что это бесполезно, отошла в сторону и заплакала. А ребята уже пинали ранец ногами, гоняя его в пыли, как футбольный мяч.

Я видел, как у Лады сжались кулаки, как сузились и засверкали заплаканные глаза. А мальчишки, хохоча, продолжали свою жестокую игру. И тут я не выдержал. Я скорее был мечтателем, чем героем и отважным защитником слабых, и драться я не умел, но смотреть на это издевательство больше был не в силах. Я налетел на обидчиков, вырвал ранец и перебросил его Ладе.

Она ранец поймала, но не убежала, осталась смотреть, что будет дальше. А дальше было совсем плохо. Мальчишки, забыв, что они мои одноклассники и приятели, стали лупить меня. Я только отворачивался от ударов и закрывал лицо. Но мальчишки всё же разбили мне нос.

А когда из носа хлынула кровь, произошло неожиданное. Лада, бросив свой ранец на землю, с криком кинулась в самую свару и необыкновенными приёмами раскидала ребят в стороны. Потом подошла ко мне, своим носовым платком вытерла кровь, молча взяла меня за руку и вывела с места боя. Я плёлся, еле перебирая ногами и ничего не понимая, а моя спасительница на ходу объясняла мне: «Да ничего удивительного. Я давно занимаюсь карате в спортивной школе. Сейчас у меня синий пояс. А самый главный – чёрный – надеюсь скоро получить тоже. Несколько раз занимала призовые места на соревнованиях. Но нам нельзя драться нигде, кроме тренировок и выступлений, и я это правило стараюсь выполнять. Вот только, когда эти хулиганы на тебя напали, не выдержала». «А чего ж ты плакала?» «Да от обиды. Ведь я могла их раскидать сразу, но не имела на это права».

На другой день на место за партой рядом с Ладой была целая очередь. Весь класс уже знал о происшедшем накануне. Теперь на новенькую смотрели совсем другими глазами. Да новенькой она уже и не была. Её с почётом приняли в нашу классную семью.

С тех пор прошло немало лет. Тогда мы учились в шестом классе, сейчас оканчиваем одиннадцатый. У Аделаиды Калашниковой давно чёрный пояс по карате и множество наград за победы в соревнованиях. Многие из наших мальчишек тоже записались в секцию по карате и успешно там занимаются. Я туда не пошёл – ну не моё это. И потом, если что, у меня есть Лада, Ладушка – самая лучшая моя подруга и защитница.

*Воспоминаниями о событии в своей жизни поделился
ученик одиннадцатого класса Антон Веселов.*

Проза авторов до 35 лет

Сауле Кадырова

Серая Валька

Я вижу эту кошку каждое утро. Она выходит на балкон, улыбаясь мне красивыми усами. У неё всегда хорошее настроение. Серый пух покрывает её худощавое тело, оттого она кажется мягкой, ну точно детский валенок!

Она любит греться в моих лучах. Я не могу, разумеется, стоять над их домом дольше, чем над другими, и потому стараюсь посылать к балкону свои самые длинные и смелые лучи. Кошка урчит, мне нравится её болтовня!

Я давненько живу во Вселенной, моё тепло создало и поддерживает жизнь на третьей планете. Я старо... и вроде бы удивляться уже нечему. А вот нет же! Меня взволновала судьба серой кошки. Может, узнав, в чём дело, вы разделите мой интерес. Послушайте мой рассказ, обещаю, он будет кратким.

Около трёх с половиной лет назад я стояло в небе Северного Казахстана. Был конец мая. Из подвала многоэтажного дома в районе вокзала вышла измученная кошка. Чуть погодя в темноте кирпичного отверстия показались невымытые головки, три или четыре, уж не вспомню. Лёгкие, как одуванчики, грязные, как свалявшийся тополиный пух. И любопытные. «А куда мама идёт?» И ползут следом.

Пожалело я их. Ну в чём только душа держится? Такие тощие. Думаю, погрею-ка подольше асфальт, раз кошкины детишки вылезли и решили по нему побродить.

На скромной детской площадке во дворе того же дома мирно играли дети лет пяти.

По гладкому полотну автострады вжикали чистые машины.

Хороший день впереди!

И вдруг!.. Я охнуло. Любуясь майским городом, я упустило из виду маму-кошку. А она, в поисках чего съестного, вышла на переполненную проезжую часть. Машин уйма! Ну кто увидит торчащие рёбра испуганного маленького существа? Тем более с высоты внедорожника...

Взвизгнули покрывки. Я часто слышу этот звук и знаю уже, что он предвещает. Машина не остановилась, водитель не сменил направления. А на тёплом, мною прогретом асфальте осталась лежать мама-кошка. Я видело, как метались туда-сюда другие автомобили, но... никто из сидящих в них людей не вышел. Не убрал искорёженное тельце. Кошка весь тот долгий день пролежала посреди дороги.

Что я могло?..

Маленьких котят я заметило позже. Они как-то на глазах расплзались, сначала неуверенно пища, а потом всё требовательнее и жалобнее. Я пускало свои лучи, хотело отвлечь их игрой, да как же это сделать, коли желудки пусты!

Я знало писателя, который воскликнул устами созданного героя: «О жестокие боги!» В тот пахнувший яблоками день мне предстояло увидеть ещё две смерти. Если бы я могло их спасти!.. Два печальных сердечка перестали биться, так и не узнав ничего об этом мире. Они просто хотели есть, хотели к маме, хотели в тепло и безопасность!

Тоже были сбиты машиной. Я увидело их у обочины.

Что стало ещё с одним существом из подвала, я не знаю. Котёнок просто пропал. Исчез. Может, и выжил. Кто знает.

А вот последний живой комочек привлёк внимание игравших детей. Свернувшийся худой котёнок был похож на шарик, только костлявый! Какая-то девочка с бантом в косичке схватила его и потащила к другим детям.

– Фу, он же блохастый! Чего притащила? – зашумел рассерженный мальчишка. Ещё бы! Он ведь строил пирамиду из старых игральные карт, а тут...

– Да чего ты, и вовсе он не блохастый, смотри, какой хорошенький! – затараторила девочка с бантом. – Я его домой вот возьму, буду играть.

– Ага! Домой! Так тебе и разрешат!

– Дай погладить!

– Не дам!

– Дай! Это не твой котёнок!

– И не твой! Не дам!

Началась ссора. Растопырив паучьи лапки, котёнок в детских руках болтался как тряпичная кукла. Пищал? Я не слышало.

...До самого вечера дети таскали с собой серого котёнка. Догадался ли хоть один из ребят вынести блюдце молочка? Нет. Я не видало, хоть допоздна находилось в том дворе.

Зато я увидело – в который раз! – как жесток может быть начинающийся человек! (Да, да, пусть нескладно сказано, но ведь эти дети и вправду только ещё начали быть!..) Мальчик, которого так рассердило появление в их компании серого существа, сильнее других хватал его, тянул хвостик-ниточку, щипал тонкие рёбра...

И тыкал пальцами в глаза.

Перед ним же кукла была, обычная девчачья игрушка. Он и куклам своей сестры тоже давил глаза, сплющивал нос, вырывал блестящие локоны. А что? Игрушка же!

Котёнок так жалобно вскрикнул вдруг! Для меня уже подходило время скрыться за горизонтом, а я всё смотрело на привокзальный двор. Каким чудесным обещал быть сегодняшний день и каким жутким он оказался...

Серый комочек, забыв всё от кипящей боли, метнулся к спасительному отверстию подвала. Я мельком видело его мордашку. Слева висело что-то, какой-то сгусток чёрной слизкой грязи. Бывший ещё минуту назад глаз.

Следующее утро мне совсем не хотелось начинать. Я пробовало дозвониться до ближайшей тучи, но в её имени мне ответили, что «госпожа пребывает над китайскими провинциями, куда её давно вызывали, нужно поспособствовать росту риса». Вздохнув, я принялось светить. Пожалуй, на Земле в тот день меня посчитали холодным.

Конечно, двор был пуст. И проезжая часть уже была очищена ранними дворниками. Всё шло своим чередом. Вчерашние маленькие смерти ни для кого не стали трагедией.

Сквозь запылённое окно подъезда я увидело седую женщину. Она медленно поднималась на четвёртый этаж. Чуть дрожащей сухой рукой нажала западающую кнопку звонка. К груди был прижат большой мятый клетчатый... колобок.

– Люда, открывай. Я это.

Немного погодя дверь открылась, и я услышало, как всплеснула руками женщина за порогом. Лица её мне не видно. Она охнула:

– Баба Катя, опять?.. Жив хоть?

– Жив, жив. Только тощ больно. А ещё без глаза. На днях во дворе у нас...

Разговор продолжился, только уж я не слышало ничего: женщины закрыли дверь.

А дня через два я видело, как та, которую назвали Людой, садилась в такси, бережно держа старую коричневую сумку. Видимо, в ней дышал спасённый котёнок.

Они часто садились в такси. Уже из Китая вернулась туча, уже и дожди с грозами прошли, – а женщина всё ездила со своим подопечным в старой сумке. К ветеринару, как я узнало.

Я давно знало эту женщину. Стройная, милая, добрая, всегда с сосисками и хлебом. Она спасала животных. Всех: и кусачих от страха щенят, и ворон с подбитыми крыльями, и пожилых обездвиженных котов. Брала в дом самых тяжёлых, выхаживала, и горько обессиленно плакала, когда побеждённое животное уходило за радугой...

Безымянный серый котёнок набирал вес и отвагу. Как всякого малыша, его жутко интересовал окружающий мир! «Надо всё посмотреть и потрогать», – убеждён «валенок».

Ему повезло. На объявление («В надёжные руки...») отозвалась девушка. У неё – уж я-то видело! – совсем не было опыта содержания кошек, но зато было доброе сердце. Её не испугала необходимость ежедневного промывания пустой глазницы. Всё, чего ей хотелось, – поскорее принести

котёнка в дом, накормить его и погладить. Котёнок, кстати, оказался девочкой и стал носить смешное, но подходящее имя – Валька.

Примерно через два года Валька совершила громаднейшее путешествие из Казахстана в Россию. Она ехала в сумке 18 часов, от подъезда до подъезда. Мужественно терпела тряскую дорогу, много спала, иногда пила водичку, не беспокоя свою хозяйку и ничего сама не страшась. Всё самое страшное осталось позади, в далёком детстве, в северном городе солнечной страны...

Александр Максимов

Обыкновенное чудо

Когда в старших классах школы вы задумываетесь, с какой профессией связать свою жизнь, то вам кажется, что перед вами все двери открыты. «Ну, а что? – станете рассуждать вы. – Действительно, сейчас захочу, например, стать историком. Волнение – пустяковая затея, ведь с репетитором проблем не должно быть, если взяться вовремя за голову, и сам, вроде, не дурак, да и предмет не очень-то сложный. Все легко и просто». И сразу возникает ощущение, что жизнь вроде бы наладилась. Но бывает и так – стоит только определиться с целью, и как назло, обязательно возникнет какая-нибудь нелепость и перечеркнет все планы. Но, быть может, это не случайно? Есть люди, которые попадают в профессию, я бы сказал, по воле Божьей, по Божьему провидению. Так и случилось с главным героем моего рассказа Петей. Он рос в маленьком провинциальном городе и к окончанию школы в душе метался, сомневаясь, правильный ли он сделал выбор.

Ранним утром двадцать восьмого августа, точнее в четыре часа утра, он проснулся от ноющей боли в животе. Был уже конец лета, и за окном в это время еще темно. Сначала Петя хотел разбудить кого-нибудь, но потом подумал, что сегодня выходной и ничего страшного не случится, если он потерпит хотя бы до восьми часов утра, и повторно лег в кровать. Обычно в такие часы самое тяжелое – это ждать. Ждать неизвестно чего, так как

тридцать первого августа предстоит уехать из родного дома впервые на столь долгий срок для учебы, а тут непонятно что заболело в животе. Все это так некстати.

В половине девятого утра, когда терпеть уже не было сил, Петя дошел до станции скорой помощи. Правда, назвать это учреждение «скорой помощью» было бы, наверное, верхом безумия. Притом что пешком дойти до него медленным шагом требовалось не более пяти минут, на вызов машина всегда умудрялась приезжать минут так через двадцать. Испытывая боль, Петя представил, как хреново бывает людям, которые живут от этого учреждения дальше, чем он. «Остаётся, наверное, только пожелать им здоровья и помолиться за тех, кто болен», – подумал он.

Но дойти пешком оказалось не главным испытанием для Пети. Переступив порог учреждения, он увидел врача, женщину лет тридцати пяти, которая жестом руки указала на какую-то комнату. Там она поинтересовалась, на что Петя жалуется, и когда услышала, что на боли в животе, ответила, что это, скорее всего, отравление, ничего серьезного, само пройдет. Ну, а если живот и дальше будет болеть, мол, обращайтесь еще. Хотя Петя тогда имел о медицине лишь смутное представление, он все же спросил, будет ли она осматривать живот. Врач фыркнула, и с обидой отправила его домой.

В этот день дома отмечали семейный праздник. По возвращении Петя устремил взор на большой стол, накрытый льняной вышитой вручную скатертью, где находились красиво украшенные блюда из детства его родителей – салат «Оливье», «селёдка под шубой», гусь, запеченный с ананасом; золотились шпроты в открытой баночке, в одной из тарелок дрожал прозрачный студень. В центре стояли сверкающие чистотой бокалы на высоких ножках, наполненные морсом. Супница, несколько соусников, салатницы и тарелки были не простые – из бабушкиного набора, белые, с золотыми каёмочками. Во всём чувствовалась гармония, и Петя не захотел портить своим нездоровьем настроение близким.

За столом семья увлеклась разговорами о сестре Пети, которая, побыв дома всего неделю, собралась уезжать в Курск. Надо сказать, что с сестрой Пете приходилось общаться не часто, но ему всегда были интересны медицинские истории из ее практики, и некоторые незнакомые термины из-за частого употребления сестрой даже стали для него родными и отчасти понятными. А сестра рассказами о нелегкой врачебной работе, видимо, хотела заранее подготовить брата к предстоящим нелегким будням студента медицинского института. О том, что учиться там тяжело, он слышал и от друзей и знакомых, но все же не мог представить до конца, в чем вся эта сложность заключается.

Вот и сейчас уже в который раз он слушал, как долго длятся занятия в мединституте по сравнению со школой – студент иногда приходит к восьми часам утра, а уходит только в шесть-семь вечера. К тому же по пути нужно еще забежать в магазин, чтобы купить продукты, затем приготовить ужин, и неизвестно, какой «сюрприз» подкинет хозяйка, у которой приходится снимать комнату. Убрав за собой со стола и собрав остаток сил в кулак, надо еще подготовиться к завтрашним занятиям. Но поначалу учить по книгам не получится, потому что их не выдадут в библиотеке, поэтому придется штудировать интернет, чтобы «достать» ответы на вопросы к семинару. Кроме того, надо хотя бы раз в неделю стирать халат и хирургический костюм, аккуратно их выглаживать, потому что преподаватели не любят, когда к ним на семинар или лекцию приходят неопрятные студенты.

Это была лишь вступительная часть рассказа сестры, и невольно наш герой на минуту задумался над риторическим вопросом: «А жить-то когда?» К сожалению или к счастью, боль не дала ему особо расслабляться и долго думать на отвлеченные темы о будущем, представляя себя студентом, который идет на учебу, как на работу и зимой, и летом, когда рабочий день начинается ранним утром, а заканчивается поздним вечером; представлять себя в анатомическом театре рядом с трупом, пропитанным формалином, пары которого невероятно режут глаза и сбивают дыхание; в кабинете биологии, где проходят и основы генетики, и простейших, и паразитов, или

на кафедре гистологии, где рассматривают ткани с разнообразными окрасками.

Вообще-то, такая жизнь Пете нравилась, но сейчас на душе было тревожно, и любой ценой хотелось победить эту боль, чтобы поскорее окунуться в студенческую жизнь. Он понимал, «чудо-врач» со станции скорой помощи просто не захотела с ним возиться, и ему необходимо самому поехать в больницу, поскольку боль усиливается. Ведь чем быстрее обратишься за профессиональной медицинской помощью и тебе поставят верный диагноз, тем эффективнее будет лечение, и больше шансов на выздоровление.

Пете приходилось очень часто болеть практически с рождения. Видимо поэтому, не желая беспокоить лишний раз родных, даже будучи совсем маленьким ребенком, он старался скрывать, если что-то у него болит, даже если осознавал необходимость немедленного обращения за медицинской помощью. А праздник он тем более не хотел никому портить. Но скрывай – не скрывай, если прожил практически всю свою жизнь с родителями, бабушкой и дедушкой, малейшее нездоровье ими угадывается. Они это чувствуют по словам, произнесенным тобой, по ноткам непонятной интонации, по твоему аппетиту, вернее, по его отсутствию (когда на столе полно яств, а ты выпил лишь немного воды). Петя это понимал, но надеялся, что родственники думают, что это несерьезное недомогание, и еще часок-другой – и взбодрится их любимый сын, брат, внук.

Время неумолимо текло, и, когда Петя встал из-за стола, вместо обычного похода на огород, чтобы помочь с уборкой урожая или просто покопаться в земле, с растениями, ему захотелось прилечь. Недаром говорят, что больше всего пугают человека не трудности, а неизвестность. Но еще больше пугает незнание, когда же эта неизвестность откроет тебе глаза, выпрямится перед тобой во весь рост. Как ни странно, тогда станет легче, ведь скрытый враг – это всегда самая большая опасность и угроза, а явный враг – это всего лишь очередная задача, к которой можно морально подготовиться.

Осмыслив, что от лежания в постели нездоровье становится еще более заметно, Петя пытался его замаскировать, изображал заинтересованность к телевизионным программам, слушал новости. Но все же ему захотелось спросить у сестры о возможных причинах боли, и к чему это может привести. Она назвала много различных вариантов дальнейших событий, и ни один из них Петю не успокоил. Особенно неприятным для него было попасть в больницу на какую-нибудь операцию.

К вечеру боль стала нестерпимой. Пете стало совсем плохо, и в этих обстоятельствах он решил сказать родным, и без того подозревавшим неладное, что неплохо было бы вызвать скорую помощь. Идти пешком больше не хотелось, да и встречаться с врачом, которая утром не пожелала его толком осмотреть и на просьбу доставить в приемный покой центральной больницы ответила отказом, посоветовав вызвать себе такси, он не жаждал, но положение было безвыходным.

К удивлению, после вызова родителей машина скорой помощи приехала довольно быстро. Вместо того врача прибыл молодой фельдшер приятной внешности и начал расспрашивать, когда появилась боль, в какой области живота, что ел сегодня и до этого, не поднимал ли тяжести, были ли рвота, понос. После этого он попросил лечь на кровать, стянуть с живота футболку и принялся прощупывать живот по часовой стрелке, спрашивая при этом, где больно. Затем фельдшер решил еще раз «пройтись» по животу, но только с большей силой, из-за чего боль распространилась практически на все отделы живота. Любое место, где он проводил рукой, отзывалось болью. Для уточнения диагноза фельдшер предложил поехать в приемный покой центральной больницы, дав Пете и сопровождающим его родителям немного времени на сборы. В пути тряска по кочкам отдавалась нестерпимой болью, заставляя и мать, и отца переживать за сына. Наконец Петю привезли в приемный покой, где доктор, осмотрев его, поставил неутешительный диагноз: «Острый аппендицит, срочно на операцию!» Мать испуганно задала вопрос: «Нельзя ли полечить консервативно, без операции, быть может, если подождать часок, все само пройдет?» Врач улыбнулся и ответил: «Через

часок его надо будет везти напрямик в морг, так что иллюзий по поводу необходимости операции не должно быть».

Спустя несколько лет я расспрашивал Петю, о чем он размышлял перед операцией, и, честно говоря, очень удивился. Оказывается, в минуты, когда его жизнь «висела на волоске», ему было ни капельки не страшно. Отсутствовал и животный страх смерти, и стремление жить любой ценой, о чем обычно в ярких красках рассказывают в фильмах. Он испытывал лишь устойчивое желание – умирая, увидеть лучи восходящего солнца, знать, что с близкими все будет хорошо, и они переживут и забудут это горе, пусть не сразу, но найдут в себе силы и смысл для дальнейшей жизни, не поставят на себе крест. И, вы знаете, дорогой читатель, когда Петю везли в операционную, ему действительно приятно было увидеть, нет, не рассвет, а первые лучи восхода: вокруг все еще ночной мрак, небо залито темными красками, а на востоке появляются отблески приближающегося светила, и это дает надежду и силы верить в благоприятный исход, во что в тот момент, наверное, слабо верил даже сам врач. Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает», и, по мнению Пети, произошло чудо, после операции он быстро нашел в себе силы сначала просто сесть на кровати, а потом идти, учиться, жить... Тогда он укрепился в выбранной цели и стал врачом, чтобы помогать людям.

Евгений Хрусталёв

Курить – здоровью вредить

В одном лесу жили разные звери: хитрые лисы, трусливые зайцы, быстрые белки, колючие ежи и злые волки. Хозяином леса был строгий медведь, который следил за порядком. Каждый занимался своим делом. Лисы воровали в деревне кур и цыплят, зайцы бегали в огороды за капустой и морковкой, белки таскали в дупла грибы и орехи на зиму, ежи носили на своих иголках лесные яблоки. А волки добывали себе мясо, нападая на мелкий скот из стада.

Вот однажды два волка отправились на охоту. На лугу паслось стадо из баранов и овец. Из-за кустов волки стали наблюдать и ждать, когда отвлечётся пастух и можно будет украсть молодую овечку. А пастух делал что-то непонятное. Сначала брал в рот какую-то белую палочку, потом подносил к ней огонёк из маленькой коробочки. Волки тут немного испугались, потому что они боялись огня. Но огонь был маленький и сразу погас. Волки успокоились. А пастух продолжал это непонятное занятие, и изо рта у него шёл дым. Волкам понравился запах этого дыма. На следующий день они опять пришли на луг, чтобы ещё раз понюхать этот запах. Увидев, что пастух прилёг на траву и задремал, волки потихоньку подкрались к нему. Они увидели на траве эти белые палочки и коробочку, из которой пастух добывал огонь. Они забыли про овец, которые паслись уже без присмотра, забрали эти палочки и коробок и убежали в лес. Там они собрали других волков и стали показывать им, что делал пастух.

Когда они зажгли спичку, волки испугались огня и отбежали в сторону. А эти два волка зажгли папиросы и стали курить. И им это понравилось. Но запах дыма не понравился остальным волкам, и они убежали в лес. А два волка полюбили это занятие. Каждый день они садились удобно на полянке, зажигали папиросы, курили и наслаждались. Волки радовались, что папирос ещё много и им надолго хватит.

А в это время в лесу готовились к спортивной олимпиаде. И эти два волка были хорошими спортсменами, особенно в беге. Они ходили по лесу и хвалились, что самые ловкие и обязательно всех победят. Звери им верили, потому что эти волки самые лучшие спортсмены в лесу. Волки должны были участвовать в беге и прыжках.

И вот наступил день соревнований. В лесу уже было всё приготовлено. На большой поляне установлены необходимые спортивные сооружения и приспособления. Тут же собрались и звери: звери-спортсмены и звери-болельщики. Пришли и волки-курильщики. Они были твёрдо уверены в победе, хотя почему-то вот уже несколько дней у обоих был сильный кашель.

В прыжках в длину участвовал один из волков, а другой был записан на соревнование по бегу.

Начались прыжки в длину. Первыми были ежи. Но они прыгать не умеют, поэтому их результаты были низкими. Лучший результат был у зайцев. Последним вышел волк, который собирался показать всем, как надо прыгать. Вот он разбежался, оттолкнулся и прыгнул. Но почему-то приземлился совсем рядом с местом толчка. Тяжело дыша, еле поднялся и с позором пошёл прочь. Его результат был больше только результата ежей.

Наступило время соревнований по бегу. На старте приготовились лиса, заяц, белка, ёж и волк. Волк представлял, как он обставит всех и первым придёт к финишу. Вот раздался сигнал к началу бега. Участники побежали. Волк быстро обогнал всех и бежал впереди с большим отрывом от остальных. Только вдруг ему почему-то стало трудно дышать, закололо в боку, и он стал быстро сбавлять скорость. И его обогнал заяц, потом лиса, белка и даже ёж.

Не добежав до финишной ленты, волк упал на дорожку и долго не мог подняться, у него не было сил. Такого позора у волка ещё не было, и звери над ними смеялись. Волки не могли понять, в чём дело, почему они вдруг так ослабели.

И пошли волки к мудрой Сове. Выслушала их Сова и спросила: «А что вы делали до соревнований?» Волки честно во всем признались. Тогда сова воскликнула: «Вот и причина вашей слабости и кашля. Потому что курить – это здоровью вредить. Надо отказаться от этой вредной привычки».

И волки послушались. Да ещё к тому же и папиросы со спичками уже кончились.

Все – и люди, и звери – должны знать и помнить:

«Курить – здоровью вредить!»

Раиса Морозова

Воинам-танкистам посвящается

Старинное село за высотой,
Прижались хаты, стали ниже ростом.
Война летела дьявольской стрелой,
И дико ухал филин над погостом.

Гул нарастал, день превращая в ночь,
Старуха мать, как лунь совсем седая,
Беду гнала рукой шершавой прочь,
Крестом восток и запад осеняя.

Гудериана танки напролом
Неслись вперёд через реку Лисица.
Не дрогнул, выстоял стрелковый батальон,
Тридцатьчетвёрки с флангов, словно птицы.

И заметались «грозные» враги,
Куда девалась спесь их и бравада,
Когда танкисты наши – смельчаки,
Их загоняли в преисподнюю ада.

Лишь поздний вечер наспех укрывал
Живых и мёртвых покрывалом серым,
К утру темнел расплавленный металл,
А изморозь спускалась в платье белом.

Лилась заря кровавою слезой,
Скрывалось небо под зловещей тенью...
Танкисты уходили снова в бой,
Громили немцев не числом, уменьем.

«Ну, что, фашист, броня твоя крепка?»

И Любушкин снаряд шлёт за снарядом,
Взметнулся чёрный столб под облака,
Аж девять единиц пылают рядом!

«Катюши» посылали им салют,
Земля горела под ногами фрицев,
За жизнь полки в бессмертие идут,
«Блицкриг» развеяв, словно небылицу.

Суровы схватки, силы неравны,
Отходят вглубь советские солдаты,
Чтоб через годы, в логове войны,
Закончить бой, нацистами начатый.

Эпилог

Чтоб ход истории не повернулся вспять,
Взметнулось пламя вечного огня!
Здесь память, здесь живая память,
В упор сквозь годы смотрит на меня.

Елена Кирьянова

Сквер танкистов

Уютный скверик в городе моём –
Ряды скамеек, множество цветов.
Ну как же он хорош бывает в мае,
Когда здесь каждый кустик оживает!

Но он не просто парк один из тысячи,
Солдатский подвиг тут на камне высечен,
И около него, на День Победы,
Седые головы склоняют наши деды!

Я встать хочу и поклониться низко,
Тем павшим, что лежат под обелиском,
Солдатам, что в далёком сорок третьем
Мир подарили нам и нашим детям!

Они на нас глядят светло и прямо
Глазами майских, праздничных тюльпанов.
Они на нас надеются и верят,
Что будет мирным небо в нашем сквере!

Вновь зажигает парк огни под вечер,
Свиданья назначают тут и встречи,
И чей-то мальчик к вечному огню,
Принёс игрушку лучшую свою...

Вера Ломакина

Да будь ты проклята, война!

Не знаю, почему, но часто
Война ко мне приходит в снах,
Как неизбежное несчастье,
В огнѣм повенчанных годах.

И я ползу, зажав гранату,
На танк грохочущий с крестом,
И защищаю пашню, хату,
Детей своих и отчий дом.

И я строчу из пулемѣта,
И застит взор солѣный пот.
Меня ведѣт незримый кто-то,
И замолкает страшный дот.

И я тащу на плащ-палатке
Почти убитого бойца...
Как цепки памяти заплатки,
Не отпускают до конца.

И вновь от грохота снарядов
Дрожит земля, мне снится бой,
А там, в низине, где-то рядом
Туман клубится над Окой.

И кровью сквозь него сочатся
Всех павших в битвах имена.
Лишь в снах нам суждено встречаться,
Да будь ты проклята, война!

Самобытная строка
Виталий Воронков
Метеорный поток в августе 2007

Болидам из заоблачной обители
Земли достигнуть было суждено:
Прошил Персей серебряными нитями
Над Синковцем ночное полотно.

К полуночи над спящею деревнею
Пронёсся метеорный яркий рой.
Одна слеза Лаврентия блаженного
Как молния сверкнула надо мной, –

Так взгляд горгоны вводит в онемение:
Слеза вскипела в воздухе, стремглав
Взорвалась футах в тысячи, не менее,
Стремительный полёт свой оборвав.

И словно увлечённый Персеидами,
Я на закате гнал Морфея прочь,
Но никогда нигде уже не видывал
Того, что я увидел в эту ночь.

Перс́ей (лат. Perseus) – созвездие северной части неба, названное в честь греческого героя, убившего Горгону Медузу. В Европе Персеиды (метеорный поток) называли «Слезамы святого Лаврентия», так как фестиваль святого Лаврентия, который проходит в Италии, приходится на самый активный период метеорного дождя – 10 августа.

Фут (от англ. foot – ступня) – единица измерения длины в английской системе мер. Линейное значение составляет около 0,3 м.

Морфей (др.-греч. Μορφεύς – «формирователь», «тот, кто формирует [сны]») – бог сновидений в греческой мифологии.

Вера Орлова

Баллада о янтаре

По мотивам старинной литовской легенды, услышанной в Паланге.

Легенда старинная вспомнилась мне,
Про давние, древние годы,
Как правили боги людьми на Земле,
Как им поклонялись народы.

Они возжигали богам алтари,
И жертвы для них приносили,
И, веря в могущество грозных богов,
Удачу просили у них и любовь,
Было так много-много веков.

Балтийское море прохладной волной
Песчаные дюны ласкало,
Но лютым и страшным бывало порой,
И жизнь у людей отнимало.

В прибрежном селении юноша жил,
Рыбачил он с неводом в море,
Он песни и музыку людям дарил,
На всём берегу не найти никого
Веселей и добрее его.

А в море царица Юрате жила,
В роскошных янтарных чертогах,
Прекрасная дева невестой была
Перкунаса, грозного бога.

Не мил ей жених, но, заветам верна,
На гребень волны выплывала,

На море печально смотрела она,
И песня вечерняя, грусти полна,
Далеко над водою слышна.

А юноша смелым, удачливым был,
И утром, лишь солнце вставало,
Весёлую песню рыбак заводил,
И нежная флейта звучала.

И флейту заслышав, вся рыба тотчас
Из тёмных глубин выплывала,
И сразу пускалась в безудержный пляс,
И в невод его попадала, резвясь,
Веселясь. Так бывало не раз.
Хранил его пояс, что вышила мать,
И были уловы богаты,
Но как-то отправилась рыбок спасать,
Прогневавшись, дева Юрате.

Решила она рыбака наказать –
Прощения нет виноватым!
И жизнь у него вместе с рыбой забрать,
Но стоило юношу ей увидеть,
И любовь довелось ей узнать.

Они полюбили, как люди Земли,
Такого ещё не бывало,
Рыбак и царица на берег ушли
И смертной бессмертная стала.

И, видя их счастье, завистливый бог,

Дал волю коварству и гневу,
Разрушил подводный янтарный чертог,
Хотел он стрелой рыбака поразить,
Но не знал, что любовь не убить.

Жестокий Перкунас не ведал, что зло
С любовью тягаться не может,
Юрате собой заслонила того,
Кто всех ей милей и дороже.

Погибла Юрате, стрелой сражена,
Исчезла царица навеки,
И в море волною скользнула она,
Оставив в руках своего рыбака
Янтари, как любовь на века.

Давно не курятся богам алтари
Повержены древние боги,
Но волны выносят на кромку земли
Осколки янтарных чертогов.

И издавна песни слагает народ,
О вечной любви, что бессмертна,
В сердцах у влюблённых та память живёт,
И юноши дарят подругам, как встарь,
Знак любви, драгоценный янтарь.

Вячеслав Стебаков

А лодыри на лодочке катались

Мы на сотках ковырялись,
Возле речки голубой.
Танцевали, целовались,
Ног не чуя под собой.

Лето птицей пролетело,
Улетели журавли.
Оглянуться не успели –
Вот и внуки подросли.

Лето – смелость, осень – зрелость,
Юность – бурная весна.
Но всегда найдётся дело –
Нам на сотках не до сна.

Припевы

В лесу заря, в бору заря,
Зелёная сосёнка.
Понравился красавице
Хозяйственный мальчонка.

Опять развод, раз в год развод,
А мы живём, не тужим.
А мы прожили жизнь не зря,
Ведь мы с землёю дружим.

Весной заря, с утра заря,
А вечером – зарница.
А мы, который год подряд,
Как юноша с девицей.

Память о Пушкине жива

Нина Новикова

Неба синего дыханье

К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина

1

Века минули. Годы мчатся...
Героев Пушкина люблю.
Ну как с Онегиным расстаться?
О нём с Татьяной стих творю.
Роман волнует слогом речи,
Его успех стихом намечен
Да рифмой, звуков и строфой, —
Ни у кого ведь нет такой!
Она четырнадцати строк,
Двусложная стопа стиха,
За ней не водится греха,
В ней очень музыкален слог.
Строфа «онегинской» зовётся,
Трёх видов рифма плавно льётся.

2

Других подобных нет романов,
Написанных в стихах творений,
Где слог ложится без изъянов
«В мольбах, признаниях и пенях».
Особый это вид искусства,
Героев где волненья, чувства
Так убедительны и ярки —
Для поколений как подарки.
Поэт душой обеспокоен,
Интересуется героем,

Письмо Татьяны «бережёт»,
О них не говорит — «поёт».
Как восхищает форма речи! —
В ней каждый штрих стихом отмечен.

3

Поэту нравился Евгений,
Хотят циничен был порой,
Но в экономике он гений...
Свободной жизнью жил герой.
Общение было интересным,
Встречались в Питере, Одессе.
Умён Евгений, очень мил,
И Пушкин подружился с ним.
Татьяна Женю полюбила,
А он с ответом запоздал,
За что впоследствии страдал,
Хотя она любовь хранила.
Печально стих о них звучит:
Не подобрать сердцам ключи.

4

Их жизнь устроена непросто:
В ней обывателю легко,
Другим тут не достигнуть роста,
Страдают чувства глубоко.
Им воспитание — помеха,
Не помогают им утехи. —
Об этом трудно говорить,
Но умным людям трудно жить.
И не смотря на эту схему —
Здесь светлых множество картин
Рисует Пушкин-господин

Героев жизни перемены:
Вначале речь звучит смиренно,
Потом – со смелым откровеньем.

5

Свой эгоизм герой Евгений
Умом отчетливо читал,
Не проживая сожалений –
Он ничего не изменял;
Из даже близкого им круга
Убил он молодого друга:
«Несчастной жертвой Ленский пал»...
Безумство Женя понимал –
Насмешек лишних испугался
О мнимой трусости Евгений;
В угоду предрасположений
На деле злобным оказался.
Умел бы дружбой дорожить –
Могло б «младое сердце» жить.

6

Росла задумчивой Татьяна.
Средь полуночной тишины
Ей нравилось читать романы
О нежных чувствах, о любви...
На них равнялась Таня рьяно,
Пила «волшебный яд желаний»;
Увидев Женю в первый раз,
В него влюбилась в тот же час.
«Я влюблена», – она шептала...
Была доверчива Татьяна,
Она не ведала обмана,
Все чувства няне доверяла –

Теснятся мысли об одном,
Их шлёт Евгению письмом...

7

Судьба тасует карты странно.
«Беспечной прелестью мила»,
Богата Таня и знатна,
За князем замужем она.
Но после странствий, потрясений,
Боясь увидеть строгий взор,
Услышать гневный приговор –
Вновь Таню повстречал Евгений.
Он шлёт посланье за посланьем
И «подъезжает каждый день,
За ней гоняется как тень»,
Но в ней не видит состраданья.
Герой в безумство погружён –
От света вновь отрёкся он...

8

Друг друга любят Таня с Женей,
Но вместе быть не суждено.
Вины нет внешних проявлений:
Им счастье в руки отдано.
Черты характера героев
Не вызывают жарких споров
Друзей и их знакомых лиц,
Летящих множеством страниц.
Страдая, наш герой Евгений
Не знал тяжелого труда.
Не сострадая никогда,
Не проявлял к другим волнений.
Для сладкой неги он рождён –

«Безделье» – вот его «закон».

9

Татьяну в первый раз увидев,
Не говоря с ней и не слушав,
Онегин тонко уж предвидел
В ней поэтическую душу.
Героя лучшие задатки
Почти остались лишь в зачатке:
Он рос без матери. Отец
Не занимался им вконец.
«Мадам, мосье» за ним следили
Без должного внимания,
Без чувства сострадания;
«Слегка за шалости бранили
Да в летний сад гулять водили»,
Науки жизни не учили...

10

Живет поэт. Живут герои,
Идут по жизни третий век,
И впредь идти вот так достойно
Им предстоит несчётно лет.
Любовное письмо Татьяны,
Что раскрывает сердца драму,
Читает школьница с волнением,
Души струн нежных сожалением.
А строгий монолог, сердечный,
Был для Онегина – удар,
Которого не ожидал, –
Звучать ему уроком вечно!..
Будь их поступки осторожней –
И счастье было бы возможно.

Что важно в чтении стихов?
 Их удивительная ценность,
 Когда словесных нет оков,
 Сюжета простота и цельность.
 В стихе любое слово важно.
 Порой не сразу и не каждым
 Читается смысл целого
 И для чего нацелено.
 Эпитет очень точен, ярок!
 Как метко описание,
 Богато содержание,
 А ясность образов – подарок!
 Как выразительна, сильна
 Чувств глубина и блеск ума.

Стихи просты, напевны, милы...
 Величие, пространство в них,
 Чувств глубина – на семерых,
 Их красота невыразима.
 Поэт жил думой о народе,
 О просвещении, свободе,
 О «гимнах» песнь напел нам он
 В стихотворенье «АРИОН».
 Он в творчестве себя был выше,
 На что способен лишь поэт:
 На третий век уж двадцать лет
 Народа голос звонко слышен.
 Как неба синего дыханье,
 Друг ПУШКИН!

Вы – ОЧАРОВАНЬЕ!

Леонид Афанасьев

В Михайловском

Я посетил тот уголок земли,
Меня манивший более полвека.
О, моё сердце, тихо, не шали,
Вступая в дом святого человека.

Не колобродь!
Взгляни – всё как при нём!
И солнца луч узор на книгах вышил,
Лишь сам он, по привычке, к няне вышел
Иль заигрался где-нибудь с конём.

Вас, поле, сад и Савкина гора,
И «тёмный лес с прохладой и цветами»,
Обшарил я с утра и до утра,
И воздух пил дрожащими губами.

Очнулся вдруг. Увидел сонмы лиц,
Край диких елей, сосен и бурьяна,
Край дивных сказок, былей небылиц –
Священный скит опального бояна.

Вера Ломакина
Встреча в Михайловском

*И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И смех, и слёзы, и любовь.*

А. С. Пушкин

На остывающих дорожках
Разлился лунный мягкий свет.
Здесь Анны Керн ступали ножки,
И рядом с ней шагал поэт.

А ганнибаловские липы
Над ними свод смыкали свой...
Ночные шорохи и всхлипы...
И свет, манящий за собой.

В его отцовское именье
Она была приглашена,
Зажгла в нём искру возрожденья,
Как та высокая луна,

И жизнь поэта осветила,
Пусть даже на короткий миг,
Их чувств порывистость и сила
Высокий породили стих.

Пушкин в нашем сердце

Владимир Морин

Пушкин с нами

Мы знаем, Пушкин это всё.

Он есть! И в нём начало!

Он Музу к жизни разбудил,

Аккордом зазвучала.

Поэзии российский глас

Услышали все в мире.

Все изумились – есть у нас

Титан в литературе!

Весь просвещённый мир тогда,

На море и на суше,

Свидетель был – взошла звезда

Поэзии, наш Пушкин!

Язык, который утвердил,

Божественный и меткий,

Изящный стиль не позабыл,

Обрёл характер светский.

А образы, что описал,

Близки и так типичны.

С восторгом я их узнавал.

И что не образ – личность!

Свою работу он сводил

К неоспоримым фактам.

И не смотрел, что тем грозил

Властителям инфарктом.

За срок короткий в жизни смог

В поэзии стать богом.

Непревзойдённый его слог

Классическим стал слогом.

Да, Пушкин это красота!

Пример и наша школа.

Есть пушкинская высота,

И ныне жжёт глаголом!

А вместе с тем ласкает слух,

Россию держит прочно.

Нетленный в ней славянский дух.

Он с нами, Пушкин, точно!

Николай Гришанов
Посвящение А. С. Пушкину

Из глубины веков жестоких
Поэта глас всегда звенит
В защиту декабристов стойких,
Чьи имена легли в гранит.

Ценитель жизни и свободы,
Он был воистину пророк.
Обрушились в темницах своды,
Настиг тиранов злобный рок.

Хранитель старины глубокой,
При жизни признанный поэт,
Он в тридцать семь неполных лет
Невинно стал злой жертвой рока.

Имея статус дворянина,
Ценивший выше славы честь,
С душою тонкою, ранимой
Не смог он сплетен перенести.

Как благодарные потомки
Должны мы Пушкина беречь
За то, что передал нам тонко
Российскую родную речь.

Потомок славный Ганнибала,
Имевший дух простых людей,
Оставил нам стихов немало,

Волшебных сказок для детей.

Мир Пушкина исполнен света,
Любви, добра и красоты,
Знать, потому мы чтим поэта,
К его стопам несём цветы.

Вячеслав Силаев

Служил всем творчеством России!

Памяти А. С. Пушкина

За что нам Пушкин дорог, ценен,
Его так чтим из года в год..?
Он Русью жил, в стихах был Гений,
Пылал в нём русский патриот!

За справедливость вёл он бой.
Близки «прекрасные порывы...»
Не мыслил жить в стране другой,
Служил всем творчеством России!

Любил друзей, простой народ,
Не равнодушен был к фольклору,
Сколько в стихах воспел красот,
Что нам подарены природой?!

Он не держал клинок в руке.
В живой строке искрилась сила...
Тех, кто нёс пагубность стране,
К барьеру звал на поединок!

Как декабрист, был непокорным,
Нажил врагов среди повес.
Зимой в тиши, у речки Чёрной,
Не пощадил его Дантес...

Ему бы с нами быть в пути,
С его энергией кипучей...
Наукам многим был обучен.

Легко с ним было бы идти!

Какой пример для молодых..!

Поэт стремился к совершенству...

Насыщен светом его стих,

Звонящим, солнечным блаженством.